

УДК 130.2

DOI: 10.21146/1606-6251-2025-3/4-156-167

С.Г. Ильинская

ПОБЕДА СОВЕТСКОГО НАРОДА НАД НАЦИЗМОМ КАК ТОРЖЕСТВО ДОБРА НАД ЗЛОМ

***Аннотация:** В статье советская эпоха интерпретируется как инобытие изначально православной российской цивилизации. Это дает объяснительную рамку для понимания многих фактов, включая готовность советских солдат пожертвовать жизнью за Родину, их гуманное отношение к военнопленным, пасхальную символику «Бессмертного полка» и мн. др.*

Победа советского народа в Великой Отечественной войне до сих пор сохраняет своё экзистенциальное значение, поскольку память о ней играет решающую роль в отстаивании исторической, культурной и цивилизационной идентичности России, являющейся основой её суверенитета. В настоящее время Великая Победа позволяет также осознать моральную правоту в борьбе с новым нацизмом.

***Ключевые слова:** советский народ, российская цивилизация, коллективная идентичность, Великая Победа, Запад, тоталитаризм.*

Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне можно постичь только в том случае, если понимать советский период как инобытие российской цивилизации, более того, как момент её наивысшего развития.

И коммунизм, и фашизм стали реакцией на социальные диспропорции либерализма, который, как известно, предостав-

---

Ильинская Светлана Геннадьевна – кандидат политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, руководитель сектора философских проблем политики (Москва). E-mail: svetlana_ilinska@mail.ru

---

ляет человеку свободу. Но что это была за свобода?! В условиях капитализма XIX века это была свобода голодного и обобранныго до последней нитки человека, готового продать за бесценок свои рабочие руки. Пытаясь опровергнуть этот факт, Карл Поппер даже голословно утверждал, что капитализма Маркса никогда не существовало, также как и ада Данте [13].

Советский коммунизм нельзя постичь, не принимая во внимание его связь с логикой смысла российской цивилизации. А германский нацизм нельзя понять, не осознавая его обусловленность западным рационализмом и особенностями немецкой ментальности, вылившимися в оккультное возрождение Германии в 1880-1910 гг. [5]. Причём, в первом случае, речь идёт о византийском и монгольском модусах российского бытия. То есть не только о православной составляющей мышления русского / российского человека, но и об идеократическом характере российского государства, который Н.С.Трубецкой связывал именно с ордынским фактором. Он выражался в высокой приверженности государственному служению (когда «добродетелью подданного признавалось отсутствие привязанности к земным благам, свобода от власти материального благополучия при крепкой преданности религиозно осознанному долгу»), что позволило как исторической России, так и СССР в итоге собрать не только «земли русские», но и «земли татарские» [14, 33].

Фашистская идеология и нацизм, как крайняя степень её проявления, во втором случае, не могут быть адекватно проанализированы без осознания всей истории развития Западной Европы. Склонность к насильственному покорению пространств, расистские стереотипы мышления, германское (и итальянское) чувство исключительности, обусловленное общим воспоминанием о существовании Священной Римской империи, в названии которой для итальянцев главными были первые два слова, а для немцев — последние два.

Нельзя не учитывать при этом относительное технологическое отставание Германии (и Италии) до определённого момента по сравнению с промышленно развитыми Англией и Францией, которое кайзеровская Германия преодолела стремительными темпами, став к 1914 г. третьей индустриальной державой мира, уступая только США и Великобритании [4, 27].

Этот рынок обнулили итоги Первой мировой войны, в которой Германия оказалась проигравшей стороной, а Италия стала самой обделённой в стане победителей. Свою роль сыграли позднее объединение земель для создания национального государства, отсутствие реальной общности и желание ускоренными темпами её обеспечить.

Ни концепция тоталитаризма (Х. Арендт и др.), ни концепция номенклатуры (М.С. Восленского) не дают объяснительной рамки для происходивших в XX в. процессов, приписывая единство двум антагонистическим проектам. Эти проекты реализовывались в рамках двух модернизационных и мобилизационных систем, в которых (как и в любом современном государстве) власть осуществляла рационально-легальная бюрократия, стремясь дать собственный ответ на дисбалансы капитализма и либеральной демократии при тесной взаимосвязи народа и правящего класса.

При этом всё вышеперечисленное — слишком слабое основание для того, чтобы ставить между данными системами знак равенства. Приравнивая советский проект, который стремился создать счастье для всех стран и народов, вынужденно остановившись на построении социализма в отдельно взятой стране, и нацизм, который за счёт уничтожения и ограбления других народов был ориентирован на изобилие и благоденствие «избранных», исследователи совершали сразу несколько логических ошибок отождествляя неотождествимое.

В качестве локальной цивилизации Россия просуществовала более тысячи лет вопреки «внешним обстоятельствам, условиям, возможностям, выгоде, расчёту» [12, 11]. Начиная от «Слова о законе и благодати» (где Ветхий завет — «закон», а Новый завет — «благодать»), центральной фигурой русской историософии является фигура Христа. Всё, что происходило до его рождения — лишь приготовление к истории.

Широко известно, что древнерусские летописи не были сухим изложением минувших событий, со временем они разрастались и дополнялись, конкретные эпизоды в них были вплетены в контекст вечной борьбы Добра со Злом, обязательно присутствовало заключительное нравоучение. В житиях сущее часто сливалось с должным: полководец молился о даровании победы, поскольку так должен делать праведный полководец, а за-

тем побеждал малыми силами несметное войско потому, что Бог ему помогал.

Расширение российского государства шло в логике собирания земель и обеспечения безопасности границ, имея при этом глубокие исторические корни, в т.ч. ордынский фактор (постепенное включение именно тех племен, которые входили в состав Золотой Орды, подчинившей ранее русские земли на условиях вассальной зависимости).

Для многих народов, интегрируемых в состав российской цивилизации, создавалась письменность: эта деятельность началась еще от Стефана Пермского, просветителя зырян XIV в., и завершилась созданием печатной культуры для кочевников Средней Азии уже в советскую эпоху. Нахождение в общем цивилизационном пространстве позволяло мирно сосуществовать народам, имеющим религиозные и территориальные конфликты. Консубстанциональный тип рациональности российской цивилизации обусловил более высокую степень терпимости нежели та, что была присуща западной цивилизации [2]. Интернационализм советского периода окончательно закрепил всечеловеческий и диалогический характер русской культуры [8].

Третьим рейхом по вышеназванным причинам славянская компонента советского народа трактовалась как смешанный народ на основе низшей расы, а советский народ в целом, включая все его этническое многообразие, понимался как гунны, дикари, которых следует стереть с лица земли [16, 336-367]. В отличие от Европы, война с Советским Союзом велась гитлеровцами на полное уничтожение. Об этом свидетельствует как количество человеческих жертв, так и масштабы разрушений: захватчики сожгли 1710 городов, более 70 тыс. сел и деревень, уничтожили 6 млн. зданий, 31 850 промышленных предприятий. Практиковалось физическое уничтожение мирного населения через организованный голод, массовые убийства, ради так называемого освобождения жизненного пространства для немецкой нации [16, 174-277]. Все названные методы, предваряемые технологиями расчеловечивания противника, ранее неоднократно использовались европейцами в ходе колонизации Нового Света, хотя и не с таким высоким технологическим оснащением.

Победа ознаменовалась тем, что впервые в истории народы,

которых коллективный Запад обрек на уничтожение, отстаивали свою свободу и независимость. Именно поэтому поражение фашизма повлекло за собой подъем антиколониальных движений по всему миру. При этом, несмотря на проявленную крайнюю степень жестокости в отношении мирного населения со стороны гитлеровских войск, советские победители проявили подлинно христианское милосердие, умение прощать, а не следовать ветхозаветному принципу «око за око».

Специфика восприятия западным человеком представителей иных культур исторически наиболее четко проявилась в процессе колонизации. Агрессивный грабительский импульс католической средневековой Европы наряду с глобальной устремленностью, практиковавшийся начиная с крестовых походов, оставял, тем не менее, покоренным народам шанс на сохранение через воцерковление, которое гибко сочеталось с эксплуатацией и отторжением тех, кого не торопились воцерковлять [1, 279].

Доктрина предопределения, включенная в протестантизм, как и ряд ветхозаветных установок на «избранность» отдельных народов, проникнув в обновленную религию в ходе Реформации, существенно снизили эгалитарные возможности западного христианства. Иные коллективные субъекты рассматривались исключительно как объекты приложения силы, а имманентный расизм исторически был присущ даже гуманистически мыслящим европейским мыслителям [9, 46-47].

Для российской цивилизации характерным являлся принципиально другой подход, не основанный на гегелевской диалектике господина и раба. Он был обусловлен спецификой православия, но имел предпосылки и в дохристианский период. В процессе расселения славян природно-исторические факторы способствовали формированию специфического типа личности и общества, которое уже на ранних этапах основывалось на протоимперских принципах.

Примечательно, что у восточных славян был принят не кровнородственный, а территориально-соседский открытый тип общины. Открытость проявлялась, например, в том, что захваченному в плен чужестранцу (если за него не вносили выкуп) после трех лет «домашнего рабства» предлагалось вступить в общину на правах равного [12, 14; 17, 32].

С самых ранних этапов существования российское государство расширялось таким образом, что за территориями, входившими в его состав, сохранялись прежние законы и установления, им предоставлялась более или менее широкая автономия, чем обеспечивалось сохранение обычаев, местной специфики, своеобразия правовой и религиозной систем и поэтапность, постепенное принятие общих норм и ценностей [11, 5-80].

Русско-православная традиция (в отличие и от протестантской, и от католической) всегда признавала за «туземцами» право на «их» земли, поскольку имела иное мировосприятие. Для православия все люди – потенциальные братья во Христе, не только при обращении (как в католицизме), но потому что когда-нибудь они могут прозреть (принять православную веру).

В российской истории отношение к нехристианским вероучениям (исламу, буддизму и разным формам язычества) было гораздо более мягкое, нежели к еретикам. Вот как объясняли этот факт евразийцы: «Еретик видел свет, но не захотел идти к свету; и в этом его грех; язычник же света не видел и ходит во тьме по неведению; если грех тут есть (грех в смысле пленения сатаной), то грех извинительный, оправдываемый неведением. Преследования таких религий быть не должно. Обязанность православного христианина по отношению к таким религиям сводится к обращению, к просвещению ходящих во тьме» [14, 31-32].

Так, например, в 1111-1120 гг. в ходе нескольких общерусских походов, инициированных Владимиром Мономахом, были приведены к покорности половцы, кочевавшие между Доном и Карпатами. Это племя вошло в состав Руси на началах автономии и, будучи некрещеным, стало именоваться «свои поганые» [6, 103]. Законодательное сохранение за ясачными автохтонами тех земель, на которых они жили при вхождении в Русское царство, закреплялось уже Соборным уложением 1649 г. [16, 135].

Одной из причин возвышения Москвы над другими русскими княжествами в ходе укрепления российской государственности и преодоления раздробленности Лев Гумилев считал рост ее пассионарности, обусловленный принципами религиозной и этнической терпимости, заложенными союзническими с Ордой отношениями, возникшими при Александре Невском и развитыми его младшим сыном Даниилом, получившим Москву во княже-

ние. При Иване Калите эти принципы в качестве ключевой установки строительства государства получили окончательное утверждение. В отличие от Литвы, где предпочтение отдавалось католикам, и Орды, где после переворота Узбека стали преобладать мусульмане, в Москве подбор служилых людей осуществлялся по деловым качествам: на службу принимались все гонимые, не желавшие поступаться своими религиозными убеждениями [6, 208].

Возвращаясь от исторических аргументов к заявленной теме, должна заметить, что уже вскоре после того, как состоялась Победа советского народа над нацизмом 9 мая 1945 г., которой он щедро поделился со своими союзниками, внесших несопоставимо меньший вклад в общее дело, стартовали и попытки пересмотра её итогов и значения. Теоретической подготовкой этих попыток были концепты «тоталитарного» (Х. Арендт) и «открытого» (К. Поппер) или «свободного» (Ф. фон Хайек) обществ, позволившие в будущем предпринять ухищрения поставить знак равенства между советским строем и гитлеровским режимом, несмотря на принципиально различные ценности, лежавшие в их основе.

В это же время наиболее изощренную форму тоталитаризма (долларовую) утверждала нация, которая до сих пор, по всеобщему мнению, является воплощением идеалов свободы и демократии, — США. Этому способствовало отсутствие в жизни американцев духовного измерения. Американская либеральная демократия через рыночные механизмы привела к такой стандартизации людей, которая исключает инакомыслие [7, 796-797]. Уже в 1930-е гг. к этому выводу пришел немецкий философ Г. Кайзерлинг, в 1960-е гг. об «одномерности» мышления рыночного человека писал фрейд-марксист Г. Маркузе.

Оказавшись после Второй мировой войны лидером западного мира, в 1990-е гг., после распада СССР, США стали насаждать свой образ жизни и мыслей в масштабах всего человечества путем пропаганды гедонизма, в т.ч. через перестройку системы образования, ориентированную не на формирование духовного акта понимания, а на выработку практически полезных навыков и умений («компетенций»), что привело к постепенному распространению примитивного типа человека-потребителя во многих регионах мира [7, 799].

Память об общей победе во Второй мировой войне, ставшей для нашей страны Великой Отечественной, оказалась тем камнем преткновения, о который сломалась схема демонтажа коллективной идентичности в процессе государственной преемственности от СССР к России. Разоблачительные кампании в прессе конца 1980-х – начала 1990-х гг. не пощадили память о коллективном подвиге советского народа 1941-1945 гг. Общее очернительство советского прошлого, дополненное десталинизаторскими клише, не обошло и этот период. Великий и трагический момент отечественной истории представляли в прессе и на телевидении как бессмысленное кровопролитие.

Ключевой фигурой возвращения позитивного интереса к отечественной истории в новейшее время стал прежний министр культуры Российской Федерации, доктор политических (и исторических) наук Владимир Мединский, совместивший в себе талант пропагандиста и эрудицию историка. Другая видная фигура данного этапа «битвы за историю», прежде всего, «битвы за Великую Отечественную» – доктор политических наук, в прошлом депутат Государственной Думы Наталья Нарочницкая, активный член существовавшей в 2009-2012 гг. Комиссии по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России, много сделавшая (в т.ч. в соавторстве с дипломатом В.М. Фалиным, доктором исторических наук) для того, чтобы не дать поставить знак равенства между сталинским СССР и гитлеровским Третьим рейхом.

В 2014 г. приобрела массовый характер и организационные формы существовавшая уже в течение нескольких лет стихийная акция «Бессмертный полк». Наряду с положительным восприятием возвращения Крыма в состав Российской Федерации она стала одной из базовых формул коллективной самоидентификации «Русского мира», имеющей явные пасхальные коннотации (аллюзии к крестному ходу, архетипам воскрешения и жизни вечной в памяти потомков).

В настоящее время советский период российской истории органично описан как один из этапов развития российской цивилизации [15, 313]. Гениальный анализ русского коммунизма, показавший его органическую связь с глубокими религиозными интенциями русского духа, осуществленный Н.А. Бердяевым в

книге «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937 г.), выявил подлинную религиозность русского атеизма, в которой наш современник проф. И.И. Евлампиев увидел связь с гностической духовностью и «неискаженным христианством» [7, 801-802]. Мнимый материализм русского коммунизма (в отличие от либеральной и фашистской приземлённости) был на самом деле возвышением над материальным, провозглашением бесконечного духовного богатства человека.

Сегодня память о Великой Победе дает нашему народу моральную правоту в борьбе против тех, кто утверждает свои преступные действия теми же методами, что и немецкие нацисты. Современный нацизм для западных политиков становится терпимым из-за того, что он «полезен». Кроме того, в дальнейшем идеологически подготовленных с его помощью людей можно использовать как «идеальных солдат» для ослабления или сокрушения геополитического конкурента. Так, гитлеровская партия и, позднее, режим спонсировались банкирскими домами Англии, США, Швейцарии и даже Франции для последующей борьбы с СССР [3, 158].

Провоцирование «зон нестабильности» тесно связано с экономикой нового типа, включающей развитие медицинских и биотехнологий (в т.ч. трансплантологии), предельным рационализмом и утилитаризмом западной цивилизации. В середине XX в. потрясающую «хозяйственность» демонстрировали гитлеровские нацисты, «осваивавшие» не только драгоценности, золотые коронки, но и части тела (кожу, волосы и т.д.) приговоренных ими людей.

Современные технологии, позволяющие буквально «разобрать» человека на «запчасти», усиливают данные кощунственные тренды. Незаконный оборот донорских органов человека впервые был массово опробован во время военных действий НАТО в Югославии (1999 г.), после чего провокация локальных конфликтов стала перманентной, поскольку они позволяют иметь так называемые «серые зоны», которые дают возможность массовой поставки органов для трансплантации в страны «золотого миллиарда». Локальные войны постсоветского периода, провоцируемые в различных регионах мира, позволяли мировому центру силы дестабилизировать потенциальные «точки сборки» глобальной субъектности и утилизировать устаревшее вооружение,

обезвреживать которое другим способом было дорого и сложно.

Только понимая советский период не как отрицание, а как инобытие российской цивилизации, как светскую реинтерпретацию её изначально православной сакральной вертикали, мы можем объяснить гуманное отношение советских людей к военнопленным и мирному населению стран-агрессоров. После Великой Октябрьской революции советская система восстановила былое единство правящего класса с народом, выражавшееся в системе бытового исповедничества. Пусть данная особенность имела не православный (как на Руси до Петра I), а интернациональный и коммунистический характер, но она парадоксальным образом воспроизводила одну из российских локально-цивилизационных характеристик, прерванную процессами европеизации элиты. Идеократический характер советского государства был другой российской цивилизационной особенностью, которую Московская Русь, по мнению евразийца Н.С. Трубецкого, восприняла от империи Чингисхана.

Пасхальность российской цивилизации, воспринятая и воспроизведенная советским государством, пусть и облечённая в иные, квазирелигиозные формы, позволяла советскому народу проявлять чудеса героизма, обусловленные верой в то, что жертвы, принесённые на алтарь существования советского государства, не напрасны. Сегодня эта пасхальность отражена в символике Бессмертного полка, имеющей очевидную аллюзию к крестному ходу [10]. Такими же «крестными ходами» были ежегодные первомайские и октябрьские демонстрации, в которых радость победы над классовым врагом смешивалась с печалью по погибшим в борьбе за свободу товарищам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов С.Д. Цивилизация Восточной Европы (цивилизация Оси). – М.: Институт Наследия, 2024. – 579 с.

2. Бондарева Я.В., Ильинская С.Г. Философские основания российской модели терпимости // Знание. Понимание. Умение. – 2024. – № 4. – С. 27-39.

3. Гейден К. История национал-социализма в Германии. – М.: Материалы по истории народов Европы, 1999. – 192 с.

4. Гренвилл Дж. История XX века. Люди. События. Факты. – М.: Аквариум, 1999. – 896 с.

5. Гудрик-Кларк Н. Окультизм и корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию. – М.: Евразия, 1993. – 244 с.

6. Гумилев Л.Н. От Руси до России. – М.: Эксмо, 2023. – 384 с.
7. Евлампиев И.И. Неисказенное христианство и его судьба в европейской истории. – СПб: Изд-во ЦСО, 2024. – 808 с.
8. Ильинская С.Г., Угрин И.М. Диалогизм российской цивилизации против монологизма Запада // Вопросы социальной теории: научный альманах. – Т. XIV. – 2022. – Россия и Запад: проблемы цивилизационного противостояния/ Под общ. ред. Ю.М. Резника. – М.: Изд-во независимого ин-та гражданского общества, 2023. – С. 248-269.
9. Кожин В.В. От Византии до Орды: история Руси и русского слова. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2011. – 560 с.
10. Колесниченко Ю.В. Евразийские ценности российской новейшей истории и наглядные формы их иеротопии (Всероссийская акция «Бессмертный полк», Главный храм Вооружённых Сил Российской Федерации) // Современные философские исследования. – 2024. – № 1. – С. 140-147.
11. Кутафин О.Е. Российская автономия. – М.: Проспект, 2008. – 768 с.
12. Митрополит Иоанн. Русская симфония. Очерки русской историософии. – СПб: Изд-во «Царское Дело», 2004. – 496 с.
13. Понтер К. Открытое общество и его враги. – Т. 1: Чары Платона. Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, 1992. – 446 с.
14. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. – Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925. – 60 с.
15. Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. – М.: Европа, 2011. – 372 с.
16. Яковлев Е.Н. Нацистский геноцид народов СССР: неизвестные страницы. – М.: ИД «Комсомольская правда», 2024. – 400 с.
17. Яхшиян С.Ю. Общинная традиция в доромановской России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2023. – Т. 10. – №. 1. – С. 29-37.

S.G. Ilynskaya

VICTORY OF THE SOVIET PEOPLE OVER NAZISM AS THE TRIUMPH OF GOOD OVER EVIL

Ilynskaya Svetlana Gennadyevna – PhD in political science, associate professor, leading researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, head of the Philosophical Problems of Politics Sector (Moscow). E-mail: svetlana_ilinska@mail.ru

***Abstract:** In the article, the Soviet era is interpreted as a foreign existence of the originally Orthodox Russian civilization. This provides an explanatory framework for understanding many facts, including the willingness of Soviet soldiers to sacrifice their lives for their homeland, their humane treatment of prisoners of war, the Easter symbolism of the All-Russian Action “Immortal Regiment” (“Bessmertniy Polk”), and more. The victory of the Soviet*

people in the Second World War still holds its existential significance, as the memory of it plays a crucial role in upholding Russia's historical, cultural, and civilizational identity, which is the foundation of its sovereignty. Today, the Great Victory also allows us to recognize the moral righteousness of our struggle against the resurgence of Nazism.

Keywords: *Soviet people, Russian civilization, collective identity, Great Victory, the West, totalitarianism.*

REFERENCES

1. Baranov S.D. Tsivilizatsiya Vostochnoy Yevropy (tsivilizatsiya Osi). – M.: Institut Naslediya, 2024. – 579 s.
2. Bondareva Ya.V., Ilinskaya S.G. The philosophical foundations of the Russian model of toleration // Znaniye. Ponimaniye. Umeniye. – 2024. – № 4. – S. 27-39.
3. Geyden K. Istoriya natsional-sotsializma v Germanii. – M.: Materialy po istorii narodov Yevropy, 1999. – 192 s.
4. Grenvill Dzh. Istoriya XX veka. Lyudi. Sobytiya. Fakty. – M.: Akvarium, 1999. – 896 s.
5. Gudrik-Klark N. Okkul'tn'yye korni natsizma. Tayn'yye ariyskiye kul'ty i ikh vliyaniye na natsistskuyu ideologiyu. – M: Yevraziya, 1993. – 244 s.
6. Gumilev L.N. Ot Rusi do Rossii. – M.: Eksmo, 2023. – 384 s.
7. Evlampiyev I.I. Neiskazhennoye khristianstvo i yego sud'ba v yevropeyskoy istorii. – SPb: Izd-vo TSSO, 2024. – 808 s.
8. Il'inskaya S.G., Ugrin I.M. Dialogizm rossiyskoy tsivilizatsii protiv monologizma Zapada // Voprosy sotsial'noy teorii: nauchnyy al'manakh. – T. XIV. – 2022. – Rossiya i Zapad: problemy tsivilizatsionnogo protivostoyaniya/ Pod obshch. red. YU.M. Reznika. – M.: Izd-vo nezavisimogo in-ta grazhdanskogo obshchestva, 2023. – S. 248-269.
9. Kozhinov V.V. Ot Vizantii do Ordyy: istoriya Rusi i russkogo slova. – M.: Eksmo; Algoritm, 2011. – 560 s.
10. Kolesnichenko Yu. V. The Eurasian Values of Russian Contemporary History and the Visual Forms of Their Hierotopy (All-Russian Action “Immortal Regiment” (“Bessmertniy Polk”), the Main Cathedral of the Russian Armed Forces // Contemporary Philosophical Research. – 2024. – №. 1. – S. 140–147.
11. Kutafin O.E. Rossiyskaya avtonomiya. – M.: Prospekt, 2008. – 768 s.
12. Mitropolit Ioann. Russkaya simfoniya. Ocherki russkoy istoriosofii. – SPb: Izd-vo «Tsarskoye Delo», 2004. – 496 s.
13. Popper K. Otkrytoye obshchestvo i yego vragi. – T. 1: Chary Platona. Per. s angl. pod red. V.N. Sadovskogo. – M.: Feniks, 1992. – 446 s.
14. Trubetskoy N.S. Naslediye Chingiskhana. Vzgl'yad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka. – Berlin: Yevraziyskoye knigoizdatel'stvo, 1925. – 60 s.
15. Tsymburskiy V.L. Kon'yunktury Zemli i Vremeni. Geopoliticheskiye i khronopoliticheskiye intellektual'n'yye rassledovaniya. – M.: Yevropa, 2011. – 372 s.
16. Yakovlev Ye.N. Natsistskiy genotsid narodov SSSR: neizvestn'yye stranitsy. – M.: ID «Komsomol'skaya pravda», 2024. – 400 s.
17. Yakhshiyan S.Yu. Obshchinnaya traditsiya v doromanovskoy Rossii // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. – 2023. – T. 10. – №. 1. – S. 29-37.

Поступила в редакцию 02.10.2025 г.